

Томоко Фудзита
(Хиросаки, Япония)

Шергин с японской точки зрения

Сначала я скажу немного о влиянии замкнутого мира «своих» на искусство. Это обращение к особенностям японского искусства необходимо для того, чтобы выявить особенности художественного мира Бориса Шергина.

По традициям японской эстетики считается красивым оставлять свободное поле, незаполненное пространство не только в произведениях изобразительных искусств, но и в творениях музыки и литературы. Почему? Объясняется это тем, что заполнение поля означает выбор какого-то одного варианта, исключая все другие, а если пространство остается пустым, свободным, то создаются условия реализации сразу всех возможных вариантов, то есть возникает чувство полноты художественного творения.

Объяснение этих особенностей японской эстетики – в размерах нашей страны и объединяющей ее жителей общности мировоззрения. У Японии маленькая территория, половину которой занимают необитаемые горы. Кроме того, она имеет островное положение – со всех сторон нашу страну окружает, ограничивает море. Жителям такой маленькой замкнутой зоны поневоле пришлось научиться быть похожими друг на друга и в поведении, и в знаниях, и даже в чувствах, чтобы сохранять хорошие отношения друг с другом. Еще и сегодня у нас в обществе отчетливо выражено стремление держать себя так, как другие, – довлеют традиции коллективизма. В такой закрытой среде «своих» художник может оставлять поле пустым, рассчитывая на общее знание читателей, слушателей или зрителей. Они знают все варианты, которые могут заполнить это оставленное свободным пространство. Словом, замкнутость среды обитания японцев родила общество «своих».

В творчестве Бориса Шергина также воспроизводится замкнутый мир «своих», который очерчен, объединен сознанием и восприятием подобно тому, как японский мир – морем. Воронежские специалисты в своей выдающейся монографии, посвященной поэтике сказа, отмечают, что в сказовом мире «объединяются рассказчик и "своя" аудитория. В результате возникает круг "своих". По отношению к этому

кругу автор и читатель находятся на позиции "внешнего наблюдения", взгляда со стороны» (1, 33). Отметим, что не только в сказе, но и в произведениях, написанных на основе фольклора, сознание рассказчика и слушателей противостоит «внешнему» взгляду автора и читателей. Это характерно и для шергинского мира, где «свои» – рассказчик и его аудитория – также отделены от внешней по сознанию и восприятию позиции автора и читателей.

В разных произведениях, представляющих собой стилизацию фольклорных текстов, возникают разные отношения между средой рассказчика-слушателя и посторонним по отношению к этой среде миром. Например, у Евгения Замятина и Михаила Зощенко уездная или городская обывательская среда подвергается сатирическому осмеянию с интеллигентской позиции автора-повествователя, характерной для письменной литературы. В их произведениях монолог рассказчика представляет собой двухголосое повествование, которое связывает между собой мир рассказчика-слушателя и «внешний» мир автора-читателя. То есть рассказчик полагает (писатель сообщает ему такое художественное задание), что повествует он только для слушателей, для «своих», но в то же время ткань монолога рассказчика сплетена автором так, что читатели испытывают отвращение к той мешанской провинциальной или обывательской петербургской среде, о которой повествователь рассказывает. А в «народных» произведениях Льва Толстого, напротив, искаженный, изуродованный цивилизацией мир автора-читателя критикуется с идеализированной автором крестьянской точки зрения. Носитель этой точки зрения в тексте, конечно, рассказчик-слушатель. В этом случае монолог рассказчика также является двухголосым повествованием, которое соотносит среду рассказчика-слушателя и «внешний» мир автора-читателя. То есть писатель позволяет рассказчику думать, что он говорит только для «своих», и в то же время так организует речь повествователя, чтобы читатель ощутил контраст между праведностью и красотой народного мира и пошлостью светского общества. В обоих случаях (и в творчестве Замятина и Зощенко, и в произведениях Льва Толстого) «чужое» сознание и восприятие автора-читателя исподволь проникает в речь рассказчика.

Что же касается шергинского повествователя, то в его речи не чувствуется вторжения «чужого» сознания, проникновения мира автора-читателя. Например, рассказчик из народа, незнакомый с обра-

зом жизни высших слоев общества, описывает уклад их жизни с помощью привычных для него реалий и представлений. (Так, в сказке «Волшебное кольцо» царевна сама крахмалит и гладит белье; к царю и царице обращаются с народным присловьем «У вас товар, у нас купец» и т.д.) По мнению исследователя шергинских сказок Н.В. Сюльковой, писатель прибегает к этой манере совершенно сознательно, для достижения комического эффекта (2, 54). Она считает, что Шергин не стремится к сатирическому осмеянию необразованности народа. И вместе с тем у Шергина, разумеется, нет ни критического, ни нравоучительного отношения к «чужому» миру, как у Льва Толстого. Монолог шергинского рассказчика не только не дает «чужому» взгляду вторгаться в него, но и сам не вторгается в мир автора-читателя. Мир рассказчика и слушателей в произведениях Шергина не противопоставлен никакому другому миру, он остается самодостаточным и цельным. В этом смысле шергинский мир «своих» (рассказчика и его аудитории) изолирован и закрыт от мира «чужих» (автора-читателя).

Народный мир рассказчика и слушателей, становящийся объектом наблюдения извне для автора и читателя, которые представляют точку зрения интеллигенции, воспитанной на классической литературе, – это элемент повествовательной композиции любого произведения, представляющего собой стилизацию фольклора. Кроме того, рассказчик может рассчитывать на сочувствие и понимание аудитории, «своего» слушателя – это также есть у любого писателя, создающего свои произведения на основе фольклорных источников. Шергин оказался среди них единственным автором, который выбрал способ создания замкнутого заповедника «своих», не подвергающегося оценочному проникновению «чужого» взгляда. Я думаю, что шергинский мир называется «Беловодьем души» не только из-за особенностей культуры Севера, но и потому, что это интимный мир полностью «своих», мир, закрытый, замкнутый и защищенный.

Примечания

1. Муценко Е.Г., Скобелев В.П., Кройчик Д.Е. Поэтика сказа. Воронеж, 1978.
2. Сюлькова Н.В. Жанровое своеобразие современной русской литературной сказки (на материале творчества Б.В. Шергина и С.Г. Писахова): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1998.